

ПИСЬМА СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ

Письма к монашествующим

П и с ь м о 1

к митрополиту Московскому ФИЛАРЕТУ

(Просьба не назначать его (архимандрита Игнатия (Брянчанинова) цензором и объяснение причин, которые делают эту должность весьма отяготительной для него)

(ГБЛ, ф. 425, картон 1)

Ваше Высокопреосвященство!

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Когда имел я счастье быть у Вас и Вам благоугодно было спросить, не имею ли усердия участвовать в цензуре духовных книг, то внезапность вопроса не позволила мне представить на благорассмотрение Вашего Высокопреосвященства удовлетворительного ответа. Сими строками хочу пополнить оный.

Нахожу должность цензора весьма для себя отяготительною и по душе и по телу. По телу: должен я по крайней мере в неделю раз ездить в Петербург для общих совещаний с прочими членами Цензурного комитета. Весьма часто должно будет мне являться для объяснений к членам Святейшего Синода, в случае их нездоровья или отлучки должен повторить приезд... По душе: решился я принять монастырскую жизнь не для цели честолюбия земного, ниже для цели пострижения; напротив, должен был не без сильной душевной борьбы отказаться от честолюбивых видов и призраков, являвшихся мне во всем блеске в мирской моей жизни. Если присовокупить к сему любовь моих родителей, то могу сказать: сколько сделал я пожертвований многоценных, дабы наследовать уединенную келлию, то село, на коем скрыт бесценный бисер! Десять лет уединяясь (более или менее) в келлии и отвлекая ум мой от многообразности и многочисленности предметов — уже чувствуя, что многие воспоминания во мне замерли, — не могу без очевидного бедствия душевного вдаваться в море забот внешних, суждений, прений, выездов, — в жизнь путешественника...

Прошу и убеждаю Ваше Высокопреосвященство: как милостивое расположение Ваше и доверенность внушили Вам мысль возложить на меня упомянутую должность, так оное же милостивое расположение и внимание к слабостям моим, к душевному направлению и к покорнейшей просьбе да убедят Вас оставить грешного Игнатия плакаться о гресех его. Довольно, предовольно для осуждения моего на Страшном Суде Христовом собственных грехов и настоятельного ига, недостойное носимого. Прошу святых молитв и прощения за многословие.

Архим. Игнатий

21-го декабря 1837 года

П и с ь м о 2

(Архимандрит Игнатий приглашает митрополита Филарета провести лето в Сергиевой пустыни)

Ваше Высокопреосвященство!
Милостивый Архипастырь и Отец!

Позвольте мне в единонадесятый уже час поздравить Вас с пресветлым праздником Воскресения Христова и приветствовать радостнейшим приветствием: Христос Воскресе!

С того времени, как узнал я, что Вы должны провести нынешнее лето в Петербурге, не могу не беспокоиться насчет Вашего здоровья, коим запасаетесь Вы в продолжение лета на целый год. Кажется, Сергиева пустынь относительно воздуха могла бы затенить Москву, более других окрестностей петербургских, если бы Вы благоволили провести в оной нынешнее лето. Комнаты сухие, при Вашей неприхотливости весьма достаточны, кухня особенная, стойла для шести лошадей, навес для кареты, для секретаря особенная, отдельная и поместительная комната, для келейника также, земляники в саду предовольно.

Прошу Вас и молю, Высокопреосвященнейший Владыко, не отриньте сего усерднейшего приглашения!

Не нужно говорить, сколько братия и я были бы утешены Вашим присутствием. Нашу радость разделили бы все те, кои к Вам привержены и кои готовы Вас встретить, заботиться о Вашем летнем пребывании, как бы о верном залоге Вашего здоровья.

Высокопреосвященнейший Владыко! Прошу Вашего Архипастыр[ского] благословения и молитв... С истинным высокопоч[тением] и преданностию честь имею быть

*Вашего В-ва Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейший послушник
Архимандрит Игнатий*

30-го апреля

П и с ь м о 3

к Оптинскому иеросхимонаху Макарию
(О значении Московского митрополита Филарета в издательской деятельности Оптиной пустыни и другие предметы)
(ГБЛ, ф. 214, № 361. Летопись скита Оптиной пустыни.
1852 – 1860 гг. 22 мая 1853 г. Л. 113 об. – 115)

Ваше Преподобие!

Достопочтеннейший Старец о. Макарий!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за воспоминание Ваше о мне грешном и поздравление с великим Праздником праздников, Воскресением Христовым, с которым и я Вас равномерно поздравляю, желая Вам и всей Вашей о Господе братии здравия и спасения.

Приношу Вам благодарность за экземпляр вновь изданной книги преподобного Феодора Студита. Сообразно тому, как Вы изволите писать, Высокопреосвященнейший Митрополит Московский Филарет благоволил написать мне, что он желает напечатания книги преподобного Исаака Сирского. Все монашество обязано благодарности этому Архипастырю за издание отеческих книг Оптиною пустынею. Другой на месте его никак не решился дать дозволение на такое издание, которое

едва ли уже повторится. В свое время книги, изданные Вашею обителию, будут весьма дороги и редки. Я совершенно согласен с Вами, что для монашества, которое живет по книгам святых отцов, необходим точный перевод с подлинников посредством лица, вполне знающего монашескую жизнь. Таковым лицом без сомнения был Старец Паисий...

Поручая себя Вашей отеческой любви и испрашивая Ваших св. молитв, с чувством искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

*Вашего Преподобия
покорнейшим послушником
Архимандрит Игнатий*

30-го апреля 1853 года

П и с ь м о 4

к Оптинскому иеросхимонаху Макарию

(О напечатании Оптиной пустыней творений святых отцов)

(ГБЛ, ф. 214, № 361. Летопись скита Оптиной пустыни. Л. 281 – 282)

Ваше Преподобие!

Достопочтенный и многолюбезный Старец отец Макарий!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за милостивое воспоминание Ваше о мне недостойном и за присланную книгу В[еликого] Варсонофия в русском переводе. Все русское монашество обязано особенною благодарностию Оптиной пустыни за издание многих творений святых отцов перевода Старца Паисия, столь точно передававшего отеческие мысли. И перевод на русский язык монашеских отеческих писаний, по знанию монашеской жизни, гораздо удовлетворительнее совершается братией обители Вашей, нежели перевод их людьми, чуждыми этой жизни.

Отец архимандрит Моисей благоразумием своим и терпеливым ношением немощей ближнего привлек в недро обители своей избранное иноческое общество, которому подобного нет во всей России...

Потрудитесь передать мой усердный поклон о. архимандриту Моисею, о. игумену Антонию, о. Ювеналию и о. Льву.

20-го июля 1855 года

П и с ь м о 5

к брату, занимающемуся умною молитвою

(ГПБ, ф. 1927, № 288)

Призываю на тебя и на начинания твои благословение Божие! Да содействует тебе милость и помощь Божия!

Удивляюсь простоте твоего сердца и утешаюсь ею! Повторяю сказанное в последнем письме моем: «Ничем наружным не связываю тебя. Делай, что признаешь за лучшее для своих обстоятельств: на всем, что ни предпринимаешь с благою целью, – буди благословение Божие». Разумеется: сюда принадлежат отношения твои к ближним...

Человечек! Твое назначение – не себе принадлежать, а ближним! Потрудись доставить им стяжание чистое, святое!

Получив твое письмо от 25 – 29 ноября, я не поторопился отвечать на него: ответ на вопрос, всего более тебя занимающий, мною уже дан в посланном к тебе последнем письме. А я в то время лежал и лежал: лекарство целит меня, но по временам крутит, лишая сил и способностей ко всякому занятию. Ты желаешь иметь от меня подробнейший, точнейший отзыв об отношениях твоих к старцу Н.? Вот он – не следствие слов твоих, но, как подобает, извещение недостойного сердца моего, извещающегося и просвещающегося святым миром. Избрание твое вполне одобряю. Оно – избрание не ветреное, избрание сверстника юного, а человека уже в некоторых летах, имеющего в глубине своего сердца чувство «хранить тебя». Этот человек так устроен и по природному своему нраву, что может служить для тебя, по природе пылкого, преполозным ограничением в твоём наружном поведении. Желаешь, чтоб я утвердил ваше расположение о Господе моим убогим благословением? И призываю на вас благословение Божие, призываю благодать Божию, немощное врачующую, недостаточное восполняющую, споспешествующую всем святым начинаниям, без которой никакое истинное доброе дело совершаться не может. Да творит Господь над вами святую волю Свою, да изливает на вас святую благодать Свою! Во всем этом обстоятельстве нехорошо только то, что ты в порыве горячности давал слово пред Крестом. Отчего бы не дать этого слова со страхом Божиим и смирением, как велит в таких случаях поступать святой апостол Иаков; он завещает говорить так: «Аще Господь восхошет и живи будем, и сотворим сие и оно» (Иак. 4, 15). Не думаешь ли, что обещание от клятвы и порыва получает твердость? Нет! От них-то оно и делается хилым. Давал святой апостол Петр на тайной вечере клятвенное обещание умереть со Христом, и какое же было последствие этой клятвы?.. Господь встретил клятвенные обещания, – сказал, что «они от неприязни». Точно, «они от неприязни!» В них – самонадеянность, устранение Бога, оживление самости, плотское мудрование! В них, как замечает св. апостол Иаков, гордыня, хвала, то есть самохвальство! Да стяжут слова наши твердость от крепкого Господа! Да будут они тверды, как основанные на камени заповедей Евангельских.

Вот как я хочу, чтобы ты вел себя в таких случаях, а прошедшее да простит тебе Бог! Вникни: ничего нет худого, необыкновенного, что мы впадаем в погрешности, что в нас действует грех! Этому удивляются, этим смущаются одни неопытные. Мы все – в падении; начинаемся уже в беззаконии, уже родимся в грехах. Должно с терпением и долготерпением носить «ярем Навуходоносоров», то есть действие в себе греха, и с милостию к себе очищать себя покаянием, повергая немощь свою пред Богом... Всякое нарушение закона очищается покаянием, дело неправильное получает правильность, когда его выправят по Евангельским заповедям. Так очищаются и поправляются обещания клятвенные, данные в явное противоречие закону Божию. Опять превосходным примером нам может служить святой апостол Петр. Нарушив клятвенное обещание свое, от порыва нрава, обещание умереть за Христа, он оплакал свои клятвы плачем горьким; впоследствии, уже водимый Духом и разумом Истины, вкусил смерть за Христа – и с каким смирением! – вкусил ее не как приносящий дар Богу, но как приемлющий дар неоцененный от руки Божией, как вполне недостойный такого дара. Желаю, чтоб ты усовершился в любви к ближнему, очистив себя от двух крайностей, от двух друг другу противоположных недугов, которыми заразило падение любовь человеческую: от вражды и от пристрастий. Этого достигнет сердце, когда почует в Боге.

Христос с тобою! Он да причтет тебя к людям «Своим», да дарует тебе ту крепость, которую приемлют от Него люди – точно Ему «Свои».

Р. С. Со вниманием прочитывай мои недостойные письма, не спеша. Моли Бога, чтоб даровал мне слово истинное, духовное, а тебе разумение этого слова. Слово духовное, точно невещественное, неудобоемлемо, ускользает от ума ветхого. Оттого и случается, что перечитывающий его встречает в нем много нового, ускользающего при первом чтении и чтениях. Ты – хотя и человек – но ум у тебя, как обращавшийся лишь в вещественном, еще какой-то толстый, духовное переделывает на невещественное. И является у него забота, как у Никодима: «Как человек может родиться стар сый? Еда может второе внити во утробу матери своея, и родиться? (Ин. 3, 4). Мне тебя – мученичка – жаль, у тебя столько разнородных страданий! Не мучься заботами Никодима! Душа моя! Мне бы хотелось – только утешать тебя! Что ж мне делать, когда чаша обильного утешения, подаемая из страны духовной в страну вещественности, для самого вкушения ее требует распятия. Привыкший к вину ветхому не «абие хошет новаго», сказал Спаситель.

П и с ь м о б

к брату, занимающемуся умною молитвою
(ГПБ, ф. 1927, № 288)

Мир тебе! Благодать Божия да сопутствует тебе, да хранит тебя, да устраивает твое внешнее положение. Будь спокоен: все совершающееся с тобою совершается как бы с рабом Христовым, которому должно «многими скорбями внити в Царствие Божие», которому должно «пройти сквозь огонь и воду, и изведена быти в покой», которого сердцу предназначено «возвеселиться утешениями Божиими по множеству болезней его».

При утешениях – за верное, за непрелестное, за Божие принимай одно вполне невещественное духовное действие, являющееся в мире сердца, необыкновенной тишины его, в какой-то холодной и вместе пламенной любви к ближнему и всем созданиям, любви, чуждой разгорячения и порывов, любви в Боге и Богом. Этот духовный пламенный хлад, этот всегда однообразный тончайший пламень – постоянный характер Спасителя, постоянно и одинаково сияющий из всех действий Спасителя, из всех слов Спасителя, сохраненных и передаваемых нам Евангелием. В этот характер облекает Дух Святой, при производимых Им утешениях, служителя Христова, снимая с души его одежду ветхого Адама, облекая душу в одежду Нового Адама и доставляя таким образом существенное познание Христа, познание вполне таинственное и вполне явственное. От всего вещественного отвращаясь – явится ли оно очам телесным или воображению. Оживить чувства, кровь и воображение старались западные; в этом успевали скоро, скоро достигали состояния прелести и исступления, которое ими названо святостью. В этой стране все их видения. Читающий их непременно заражается духом прелести, любодействует в отношении к Святой Истине – Христу, подвергает сам себя роковому определению Божественного Писания; оно говорит: «Яко се, удаляющи себе от Тебе погибнут: потребил еси всякаго любодейщаго от Тебе» (Пс. 72, 27). Восточные и все чада Вселенской Церкви идут к святине и чистоте путем совершенно противоположным выше приведенному: умерщвлением чувств, крови, воображения и даже «своих мнений». Между умом и чистотою – страню Духа – стоят сперва «образы», то есть впечатления видимого мира, а потом мнения, то есть впечатления отвлеченные. Это двойная стена между умом человеческим и Богом. Из жизни образов в уме составляется плотской, а из мнения – душевный разум, не приемлющие веры, неспособные к живой вере, являемой делами, вообще всем поведением, и рождающей духовный разум, или разум Истины. Потому-то нужно умерщвление и

воображения, и мнений. Понимаешь ли, что мнение – прелесть? Эту прелесть Писание называет «лжеименным разумом» (Тим. 6, 20), то есть произвольным ложным умствованием, присвоившим себе имя разума. Точное и правильное понятие о Истине есть «знание», знание от видения, видение – действие Св. Духа. Когда нет знания истинного в уме, оно заменяется знанием сочиненным. Люди часто сознаются в этом неволью, не понимая сами, какое глубокое значение имеет их сознание; они говорят: «Мы приняли так понимать», то есть составили, за неимением знания точного, мнение, чуждое всякой точности. Итак, мнение – прелесть! Избавляемся от прелести заповеданным в Евангелии самоотвержением, погублением души своей. Погублением души названо отречение от своих мнений, от своей воли, от нестяжательности, от кровавых движений, от чувств – словом сказать, от всей вместе взятой прелести, обнявшей всего человека, все части его, все существо его. Прелесть так усвоилась нам, что сделалась как бы жизнью, как бы душой нашей, совершенно заглушила естество наше, как заглушают плевелы хлеб на поле, чрезмерно удобренном. Устранение у себя прелести названо Богомудрым Писанием с чрезвычайною правильностью, самоотвержением, ненавидением, погублением души своей и проч.

Выслушай и следующее: человеческое повреждение состоит в смешении добра со злом; исцеление состоит в постепенном удалении зла, когда начинает в нас действовать более добро. Совершенное отделение добра от зла, чистое действие одного добра бывает в одних совершенных, и то на время и по временам. Место, где действует одно чистое добро, – небо; на земле – смешение. При наших духовных утешениях продолжает действовать это смешение, только количеством добра превозмогается количество зла, – оттого и утешение. Следовательно, при утешении надо наблюдать крайнюю осторожность, зная, что грех, падение, прелесть близ нас. «Работайте Господеви, – завещевает пророк, – со страхом, и радуйтесь Ему с трепетом» (Пс. 2, 11). Отвергай с тихостию, как бы отказываясь, как недостоинный, всякое изображение, являющееся уму или телесным очам, света или какого святого и ангела, Самого Христа и Божией Матери, всего, всего. Старайся иметь ум твоей единственно внимающим словам молитвы, безвидным, не запечатленным никаким образом (как бы этот образ тонок ни был!), незанятым никаким мнением, в полном самоотвержении. Мы пали отвержением Божиего, оживлением своего; а свое у нас – ничтожество, небытие; ведь все, что имели мы до бытия, начиная с которого, включая которое, все получили мы от Бога. Устранив из себя Божие, оживив в себе свое, мы родили «смерть». Провести себя в небытие мы не в силах, но исказить свое бытие, сделать его худшим небытия, родить смерть – мы могли (разумеется, смерть душевную; телесная пред душевной малозначительна, результат ее, и была бы еще отрадою, если б не давала большего развития вечно существующей смерти душевной).

Чтоб умертвить смерть, надо устранить из себя все свое, приведшее и хранящее смерть; в самоумерщвленного проникает Дух и, как Создатель, дарует ему «пакибытие». Когда действия чисто духовные умножатся в душе твоей, тогда всякое чувственное явление потеряет цену на весах твоего ума и сердца.

Хорошо делаешь, что приходящих к дверям твоей душевной клетки просишь подождать до свидания с твоим привратником. С этой же целью храню твои письма; большую часть писем, получаемых мною, истребляю по прочтении и ответе. Несколькими раз ты слышал от меня слово «определительность», и не совсем ясно для тебя, что я хочу высказать этим словом. Определительность от «знания», неопределительность – непременно чадо «мнения». Определительность есть выражение знания в себе мыслями, для других – словами. Ей свидетельствует сердце чувством мира. Мир – свидетель Истины, плод ее. Мне очень не нравятся сочинения: ода «Бог»,

преложения псалмов все, начиная с преложений Симеона Полоцкого, преложения из Иова Ломоносова, *athale de Racine* все, все поэтические сочинения, заимствованные из Священного Писания и религии, написанные писателями светскими. Под именем светского разумею не того, кто одет во фрак, но кто водится мудрованием и духом мира. Все эти сочинения написаны из «мнения», оживлены «кровавым движением». А о духовных предметах надо писать из «знания», содействемого «духовным действием», то есть действием Духа. Вот этого-то хочется мне дожидаться от тебя! Оду «Бог» слышал я, с восторгом читывал один дюжий барин после обеда, за которым он отлично накушивался и напивался. Бывало: читает и слюна брызжет изобильно на всех и всё, как картечь из крупнокалиберного единорога... Приличное чтение после сытного обеда! Верен, превелик восторг, производимый обилием ростбифа и шампанского, поместившихся во чреве! Ода написана от движения крови, — и мертвые занимаются украшением мертвецов своих! Не терпит душа моя смрада этих сочинений! По мне уж лучше прочитать, с целью литературною, «Вадима», «Кавказского пленника», «Переход через Рейн». Там светские поэты говорят о своем, и в своем роде прекрасно, удовлетворительно. Благовестие же Бога да оставят эти мертвецы! Оно не их дело! Не знают они — какое преступление: преоблачать духовное, исказить его, давая ему смысл вещественный! Послушались бы они веления Божия «не воспевать песни Господней на реках Вавилонских». Кто на реках Вавилонских и не отступник от Бога Живаго, на них тот будет плакать. Не унывай! Будь мирен, и со спокойствием, с душевною беспопечительностью предайся водительству веры. Обстоятельства сами покажут, что должно делать. Трудности да научат тебя вере, которую да подаст тебе Податель всех благ видимых и невидимых — Христос!

П и с ь м о 7

в ответ некоторому брату
(ГПБ, ф. 1927, № 288)

Неожиданным, приятнейшим утешением было для меня получение строк твоих, Ангел мой!.. Кто научил тебя быть таким милым, добрым Ангелом? — Во второй раз поступаешь со мною, как Ангел. В первый раз поступил так, когда, встретившись на дороге, пришел нарочно взглянуть на меня, познакомиться со мною, во второй раз — ныне. Сердце мое чувствительно, заметно, памяливо.

Ты два раза записал на нем воспоминания о тебе. Не я предварил тебя приветствием моим; ты предварил это в глазах моих со своею ценою, с полною ценою.

Помни меня, Ангел!.. Помните меня, Ангелы!.. Не умею быть приветливым поверхностно для приличия светского; приветлив ради Христа. Христос вечен и пресвят. Он хранит любовь, которая ради Его, в святине, в неизменяемости, в ровности, в мире, в постоянстве.

П и с ь м о 8

к брату, подвергшемуся душевному смущению от обвинения ближних
(ГПБ, ф. 1927, № 288)

«Возлюбиши искренняго, яко сам себе» (Мф. 22, 39), — заповедует нам Слово Божие.

В исполнение этой заповеди Евангелия предлагаю тебе врачество, которое всегда приносило пользу душе моей, когда душа моя прибегала к нему. Когда душа моя

забывала об этом врачевстве, искала облегчить болезнь свою оправданиями человеческими, думала разрешить задачу страданий человека на земле иначе, нежели Крестом Христовым; тогда она лишь трудилась напрасно! Тогда мучения ее только умножались и усиливались! Врачевство, о котором я говорю, — «обвинение себя».

Много прекрасных изречений об обвинении себя произнес святой Пимен Великий. Прочитай их в книге, которая есть у тебя: «Достопамятное сказание о подвигах святых и блаженных отцов».

Инок, обвиняющий себя, устоит во всех напастьях! Какая скорбь может сокрушить того, кто признал себя достойным всякой скорби, того, кто всякую приходящую скорбь встречает словами блаженного разбойника: «Достойное по делам моим приемлю; помяни меня, Господи, во Царствии Твоем!»

Какой скорби усташится тот, кто верует, что на него неуклонно взирает око Божие, что никакая скорбь не может прикоснуться к нему без поущения или маноуения Божия? Огради душу твою крестным знаменем и с верою пустишься в море скорбей иноческих! Благополучный попутный ветер да надувает паруса твои, да несет быстро ладью души твоей в пристанище бесстрастия и святости. Этот ветер, дующий всегда благотворно, всегда постоянно, в одном направлении Божия Духа и Истины: учение Евангелия, учение св. отцов Православной Церкви. Один из этих отцов, св. Иоанн Лествичник, сказал: «Кто отверг обличение, правильно или неправильно, тот отвергся своего спасения». Научись носить немощи ближних, угождать им ради Бога, а не себе! Научись полагать душу свою за ближних твоих! Научись претерпевать выговоры и оплевания! Держись за обвинение себя, как упавший в воду держится за кинутую к нему веревку, — и избавишься от потопления в смущении и печали! Некий великий инок, наставник многочисленного собрания монашествующих в горе Нитрийской, сказал: «Нужнейшее душевное делание инока — непрестанно обвинять себя». Новый человек, описанный, изображенный в Евангелии, да снидет мало-помалу из Евангелия в твою душу, да изобразится в душе твоей. Да изглядятся из нее черты человека ветхого, черты, которые получаем наследственно при рождении, которые внезапно явились на душе нашего праотца, согрешившего, — и обезобразили эту душу — дотоле образ совершенный Совершенного Бога. Из этого расстройства — все наши смущения и мучения, временные и вечные! Как безобразна душа, когда она в смущении! Как она прекрасна, когда спокойна! Еще прекраснее, когда завет в ней благодатный мир от Господа. Это спокойствие, самый этот святой мир исходит в душу, обвиняющую себя. И вот тому причина: «Душу, которая будет обвинять себя, — сказал великий Пимен, — Господь возлюбит». Обвинять себя может только умершвляющийся для человека. Кто ж попустит себе малейшее приращение к человеку, тот не возможет сохраниться в самоосуждении, а потому и в мире. Надо отдать всех людей Богу. Этому научает нас и Церковь; она говорит: «Сами себе, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим». Кто предает себя и всех Богу, тот может сохранить мертвость ко всем; без этой мертвости не может воссиять в душе духовное оживление. Если пребудешь верным Богу и сохранишь умершвление к человекам, то явится, в свое время, нетленное духовное сокровище в душе твоей, узришь воскресение души твоей действием Духа. Об этом плотские люди не могут составить никакого понятия. Когда же, в свое время, человек увидит себя измененным и воссозданным — удивляется, как бы вновь сотворенный, рассматривает страну Духа, в которую ввел его неожиданно Бог, недоумевает, за что бы излилась такая милость Божия на ничтожное создание — человека.

Не унывай при случающихся переменах. Никому из людей не свойственно постоянное, без всяких унижений, пребывание в добре; тем более не свойственно это

новонаначальному! «Отдай долг страстям!» – сказал некоторый святой наставник монашествующих. Побеждения врачей покаянием! Борьба нового человека с ветхим соделает тебя искусным в невидимых бранях, твердым, мужественным. Не желай преждевременно состояния спокойного! Во время войны воин обогащается корыстями. Да даст тебе Господь полную и славную победу над грехом, да даст состояние нерушимого мира в свое, законное время. Всему есть время! Безвременно снятый плод, хотя и с превосходного древа, – кисел, горек, жидок. Спокойствие безвременное – потеря, а не приобретение! – лишает драгоценных опытов, духовного преуспеяния и просвещения.

Предай Богу скорбящего брата. Бог устроит о нем все во благо и изведет от печали душу его. Сохраняет святую любовь к ближнему тот, кто имеет с ним общение ради Бога; сохраняет эту святую любовь и тот, кто ради Бога удаляется от такового общения. Наше естество повреждено падением; повреждена им и наша естественная любовь. Поэтому для исполнения условий святой любви надо руководствоваться не сердечными чувствами и влечениями, а велениями Евангелия, всесвятými заповедями Господа нашего Иисуса Христа. Одна из таких заповедей говорит: «Аще десная рука твоя соблажняет тя, отсецы ю и верзи от себе» (Мф. 3, 30), то есть если какой-нибудь человек, столько нужный и близкий тебе, как правая рука, приносит тебе душевный вред, – прерви с ним общение. Так велит нам поступать заповедь Законоположителя совершенной любви. А мечты и чувствования нашего падшего сердца легко могут увлечь нас в пропасть!..

Христос с тобою!

П и с ь м о 9

(О трех родах подвига)

(ГПБ, ф. 1927, № 288, с. 271 – 272)

Есть подвиг телесный, есть подвиг умственный и душевный, есть подвиг веры. Подвиг телесный и подвиг умственный одни, сами по себе, не только бесполезны, – вредны: они растят в человеке его «я». Тщетно думаем ими противостоять греху; только более и более запутываемся в его сетях, погружаемые в его пропасти. Стяжи подвиг веры! Им сокрушишь всех врагов твоих. Подвиг веры умерщвляет человеческое «я», оживляет Бога для человека, – и живой Бог совершает знамения в земле Египетской, вводит Израиля в землю обетованную, избивает от лица его иноплемеников дождем каменным и громами небесными, созидает стены Иерусалима. Стяжи подвиг веры – и будешь всемогущ, будешь всегда победителем. Тогда захочешь ли употребить в дело подвиг телесный, или подвиг душевный, – увидишь их ожившими, возмощенными о Господе. Если же захочешь обойтись без них, – одною челюстью ослею – смирением, – поразить иноплемеников. Верую возвеличь в себе Бога, и Он возвеличит тебя бесстрашием и духовным разумом.

П и с ь м о 10

(Утешение в скорби по поводу умопомешательства)

(ГПБ, ф. 1927, № 288, с. 273 – 274)

Бог да утешит Вас в постигшей скорби. Влас главы нашей не падает без воли Его! Иначе взирает мир на приключения с человеками, и иначе Бог. Видим, что св. Нифонт епископ четыре года страдал умоисступлением. Свв. Исаакий и Никита

(который был впоследствии святителем Новгорода) долго страдали умоповреждением. Некоторый св. пустынножитель — упоминает об этом событии Сульпиций, писатель IV века, в рассказе Пустоминиана, путешествовавшего по монастырям Востока, — творивший множество знамений и заметивший от этого возникающую в себе гордость, молил Бога, чтоб для уничтожения славы человеческой попушено было ему умоповреждение и явное беснование, которые и попустил Господь смиренномудруму рабу Своему. Веруем, что без воли Божией не может к нам приблизиться никакая скорбь; всякую скорбь, как приходящую от руки Божией, приемлем с благоговейною покорностию воле Божией, с благодарением, славословием всеблагого Бога, непостижимого в путях Его, дивного во всех делах Его.

П и с ь м о 11

(Советы желающему вступить в монастырь)
(ГПБ, ф. 1927, № 288, с. 275 — 276)

«Блюдайте како опасно ходите, яко дние лукави суть», — сказал апостол. Если в его время нужно было это наставление спасающимся, тем нужнее оно в наше время. Точно! Нужны нам большая осторожность, большая осмотрительность, более благоразумие: примеры святости, средства к достижению святости уменьшились, примеры соблазнительные, средства расстроить себя грехом умножились. Беда и в пустынях, беда и в городах! Но есть еще спасающиеся, и спастись еще возможно по неизреченной милости Божией.

Руководствуясь советом Евангелия (Лк. 14, 28), сочти силы свои, и душевные, и телесные, соответственно им избери себе место жительства.

Тот же Бог, Который спасает в пустыне, спасает и в городе. Тот же грех, который губит в городе, губит и в пустыне. Посему городской ли, пустынный ли монастырь изберешь в место жительства соответственно твоим силам, помни Бога, держись близ Его, удаляйся от греха, от всех поводов к греху, — и Бог будет с тобою. Займись чтением святых отцов Восточной Церкви: они научат тебя непогрешительно идти путем иноческой жизни. Удаляйся от излишних знакомств вне и внутри монастыря и от всего, что приводит в развлечение: развлечение, подобно инею, уничтожает все младые прозябения иноческих добродетелей. Развлечение — начало всех зол для инока: так называли его святые отцы. Ограничься знакомством, необходимым для твоих нужд, душевных и телесных. Не утомляй себя напрасно исканием наставников: наше время, богатое лжеучителями, крайне скудно в наставлениях духовных. Их заменяют для подвижника писания отеческие. Таковы: «Лествица», сочинения Ефрема Сирского и аввы Дорофея, письма Великого Варсонофия, «Патерик Скитский», «Добротолюбие» и другие. Образуй себя чтением их и молитвою в сокрушении духа. Постарайся найти хорошего, добросовестного духовника. Если найдешь его, — и тем будь доволен, ныне добросовестные духовники — великая редкость.

Многие возлагают тяжкие бремена на рамена ближних, но мало таких, которые научили и помогли носить бремена. Остерегись от сети диавола, который внушает неприметно человеку приняться за жительство и подвиги, превышающие силы его: диавол делает это с тем умыслом, чтоб истощить преждевременно силы человека и сделать его не способным ни к какому душеполезному занятию.

Христос с тобою. Поручаю себя твоим святым молитвам.

18-го августа 1848 года

П и с ь м о 12

(Советы настоятельнице монастыря)
(ГПБ, ф. 1927, № 288, с. 277 – 279)

В терпении Вашем стяжайте душу Вашу и души словесных овец Ваших, предавая их умственно воле и Промыслу Божиим: мы, настоятели, — не более как орудия Промысла Божия. Мы, сами по себе, ничего не значим и, без особенной помощи Божией, не можем окормлять не только ближних, но и самих себя. Таковое размышление будет доставлять спокойствие сердцу Вашему. Я говорю с Вами, как бы с самим собою. О непокоряющихся и не внимающих слову спасения не надо очень печалиться; но, сказав им подобающее, предавать их воле Божией, которая может их обратить на правый путь чрез другие орудия и средства, которых в деснице Его бесчисленное множество. К несчастью нашего времени, точно, как Вы изволите говорить, многие, вступая в монастырь, занимаются одним земным и пребывают чуждыми монашеской цели и монашеского направления, сверх того, примером своим и влиянием потрясают и других неутвержденных. Что ж делать? Такое положение очень бедственно, но и это бедственное положение должно возлагать на волю Божию и от души признавать, что мы не заслуживаем другого положения, а если б заслуживали, то правосудный и милосердый Бог непременно даровал бы оное. Таковые размышления доставляют душе, истинно ищущей Бога, мир и спокойствие, потому что Слово Божие определило нам находить успокоение душевное в едином смирении и самоукорении. На ближних сильнее действует молитва о них, нежели слово к ним, потому что молитва вводит в действие Самого всесильного Бога, и Бог творит с созданием Своим все, что Ему благоугодно. Он отверзал сердечный слух для внимания словам Павла; а в тех случаях, когда не действовал перст Божий на слушателей, слова самого великого Павла оставались бесплодными. Будем, достопочтеннейшая мать, пасти вверенных нам овец прилежными и многими о них молитвами, верою, смирением, терпением, душеназидательным посильным и умеренным словом, чтоб слово учащаемое не произвело, по замечанию некоторого великого отца, отвращения к слову в слушателях. И Бог да покровет нас.

Письма к мирянам

П и с ь м о 13

Штабс-капитану Стефану Ивановичу Феодорову
(Счастье и его условие)
(ГБЛ, ф. 425, картон 1)

Любезнейший Стефан Иванович!

Письмо Ваше меня необыкновенно обрадовало. Слава Богу, что Вы переселились из Грузии в Киев, — мне это подает надежду, что по времени Вы совершите и другое переселение, то есть из Киева в Петербург, из которого удобно можете побывать у старого, еще Вами не забытого друга. Но каким Вы его найдете! Не таким, как прежде; не исполненного живости, но изможденного болезнями и трудами, кои сами по себе, хотя и были малы, но относительно моих сил велики. При всем том благодарю Господа — я довольно счастлив, весьма счастлив, не по грехам

моим счастливым. Первое же условие сего счастья есть то, что я христианин и монах, хотя и недостаточный. Во-вторых, есть кругом меня люди, на коих могу взглянуть с искреннейшею сердечною любовью.

Пустыня наша при море — и чувственном, и житейском. Гляжу на то и на другое и радуюсь, что живу на берегу посреди стен монастырских... Затем, желая Вам доброго здоровья и благополучия, имею честь быть

*Ваш усерднейший слуга и богомолец
Архимандрит Игнатий*

6-го июля 1836 года
Первоклассная Сергиева пустынь

П и с ь м о 14

Д. В. Брюзгину

(О приготовлении к смерти, печали по Бозе и печали плотской)
(ГБЛ, ф. 425, картон 1)

Письмо Ваше имел честь получить! Сожалею сердечно о постигшей Вас скорби, и по сему участию позволяю себе советовать Вам, дабы Вы не предавались излишней печали, которая беде не поможет, а Вас расстроит. Вспомните: всякий человек рождается с тем, чтобы умереть, и сей общей чаши никто из нас избежать не может. Почему о смерти всегда памятовать и часто размышлять должно. Такое размышление побудит нас к делам добрым, необходимым для вечного блаженства и отвратит нас тех злых дел, на которые бы мы решились в забывчивости о смерти. О почившей супруге Вашей тем менее должны мы тужить, что она проводила жизнь свою в правилах и добродетелях христианских и при кончине сподобилась надлежащего напутствия. Когда придет к Вам печаль, то прибегайте к молитве, как и св. апостол Иаков в Соборном Послании советует: «Злостраждет ли кто в Вас? да молитву деет». Молясь же просите Господа о прощении Ваших грехов и о упокоении души усопшей супруги Вашей. Тогда и печаль Ваша будет по Бозе, растворена надеждою и от надежды проистекающим утешением; таковая печаль, как виновная спасению, Законом духовным похвалется. Печаль же плотская, состоящая в одном только сетовании, без молитвы и упования на Бога, учиняет по душе и телу расстройство и от Господа порицается. Сам Господь да пролиет в сердце Ваше утешительные чувства! Желая Вам доброго здоровья и всех благ. С истинным почтением и преданностию имею честь

*Ваш покорнейший слуга и богомолец
Архимандрит Игнатий*

14-го ноября 1837 года

П и с ь м о 15

(Совет девице, пожелавшей вступить в монастырь)
(ГБЛ, ф. 425, картон 1)

Милостивая Государыня девица Анна Дементьевна!

Как первое письмо Ваше, так и второе от 3-го октября получил, но за разными недосугами не отвечал. Ваше намерение благое и похвальное: ибо все мнимые утешения

плотские скоро мимо текут; и потому весьма безумно провести в суете нашу жизнь, данную Богом для приготовления себя к будущей жизни. По желанию Вашему совет мой Вам преподать: во-первых, молитве Господа, чтобы благословил Ваше намерение и Сам подал возможность к исполнению оно, ибо сказал Дражайший Спаситель наш: «Без Мене не можете творити ничесоже». И святые отцы, яко звезды на небе церковном различными добродетелями просиявшие и самым опытом, то есть самым исполнением заповедей Его, силу словес Его Святейших и Божественнейших узнавшие, говорят: «Всякое дело, хотя и благое, но без молитвы и прошения помощи Божией начатое, не бывает совершенным». И ты убо от молитвы и прошения помощи Божией начни. Во-вторых, всякая девица, желающая поступить в монастырь, по обычаю наших монастырей, должна знать какое-либо рукоделие, дабы оным себя содержать; а при самом вступлении в монастырь должна построить или купить себе келлию, — на это надо рублей триста. Это все постарайтесь приготовить, приготовив же, отнесите ко мне письменно, или лучше лично. Увидев Вас лично и по силе скудного моего рассудка рассмотрев Ваши свойства, с Божией помощью, может быть, и дам Вам совет, в какой именно монастырь поступить. Усердно бы желал Вам и деньгами помочь, да не могу многим: ибо ко мне в обитель много вступает ничего не имеющих и, поддерживая их в их нуждах, сам в нужде остаюсь.

Буди благословение Божие над Вами

*Ваш усердный богомолец
Архимандрит Игнатий*

9-го октября 1838 года

П и с ь м о 16

Графу П. А. Клейнмихелю
(Благодарность благотворителю обители)
(ГБЛ, ф. 425, картон 1)

Многомилостивый Государь!
Граф Петр Андреевич!

Позвольте принести Вашему Сиятельству искреннейшую благодарность за то милостивое внимание, которое Вы, посреди Ваших многочисленных занятий, обратили на обветшавшие часовни Сергиевой пустыни. Возобновление их будет вполне принадлежать Вашему усердию.

Таким образом Вы включили себя в число тех, о коих ежедневно в храмах Сергиевой пустыни произносится и будет произноситься сия глубокая и сильная молитва: «Благословляяй, благословящая Тя, Господи, и освящаяй на Тя уповающия, спаси люди Твоя и благослови достояние Твое, освяти любящие благолепие дому Твоего: Ты тех возпрослави Божественною Твоею силою!»

Граф! Сие благословение, сие спасение, сие освящение да освятит Вас и все семейство Ваше к благополучию на земле и к блаженству на небе!

С чувством совершенного почтения и преданности имею честь быть и т. д.

(Подпись неразборчива)

19-го июля 1845 года
Сергиева пустынь

П и с ь м о 17

к некоему высокопоставленному лицу
(Описание несчастного случая, происшедшего на пути в Петербург,
и желание в уединении окончить дни своей жизни)

Со мною совершилось несчастье! 23-го августа, полубольной, я ехал к Преосвященному Митрополиту по делам монастыря и благочиния; на 10-й версте от Стрельны дорожный рабочий испугал лошадь моего экипажа, которая, выскочив из постромок, его задела, уронила, от чего он и умер. Дав знать о сем куда следует, я возвратился в монастырь, сраженный болезнью и сердечною и телесною. Ныне немного оправясь телом и умом, осмеливаюсь повергнуть к стопам Вашим... просьбу, извлекаемую из сердца, растерзанного горестию! Дозвольте мне, ... в глубоком уединении, вне всякой должности, — как бы заживо умершим, окончить дни мои! Для сего повелите уволить меня от начальства Сергиевой пустыни с дозволением избрать уединенное место, соответствующее моему слабому здоровью. Понесу в мое гробище тяжкую мысль и тяжкое чувство, что за все милости... истекавшие ко мне прямо из глубины великой души Вашей, я принес Вам только одни огорчения!

Повергая сердце мое, уязвленное острым жалом скорби, к стопам Вашим, с глубочайшим благоговением и совершенною, неограниченною преданностию имею счастье, хотя и недостойный его, быть

Сергиевой пустыни
Архимандрит Игнатий

31-го августа 1845 года
Сергиева пустынь

П и с ь м о 18

Н. Н. Хемшиеву

(О единственном сокровище — познании Спасителя, о своем служении
ближним словом Божиим и о приготовлении к вечности)
(ГБЛ, ф. 425, картон 1)

То, что все мы, любезнейший Князь, — кратковременные странники на земле, есть осязательная истина. То, что мы обращаем так мало внимания на вечность, забываем ее, есть верный признак нашего падения не только в теле, но еще более в уме, в сердце. Глядя в себя, мы в себе увидим, что нам нужно спасение, нужен Спаситель.

Познание Спасителя, а чрез то и получение блаженной вечности, есть первое счастье на земле, есть единственное сокровище человека.

Бог привел Екатерину Павловну получить это сокровище; потом, очистив страданиями, призвал в вечность — и в вечность блаженную. Кончина ее оставляет в истинно расположенных к ней воспоминание, в котором соединяется чувство спокойное, чувство верное, с обыкновенным чувством грусти об отшедшем. По крайней мере я так чувствую! И это чувство для меня не ново: его оставили мне некоторые отшедшие отсюда после жизни на земле благочестивой о Господе.

Утешает меня то, что милосердный Господь привел меня послужить Екатерине Павловне душеспасительным словом, хотя и очень недостаточно. Видя, что Бог внушает многим прибегать к моему скудному слову, я не могу не признать, что Бог назначает мне в удел служение ближним словом Божиим. Почему желаю и относи-

тельно Вас проходить сие служение блаженное и возвешать Вам слово Божие, сколько при нерадении и немощи моей я мог познать оное из Священного Писания и писаний святых отцев.

Милосердый Господь да утешит Вас, да укрепит Вас! Быстро, быстро промчится время и наступит для Вас час преселения в вечность. Употребите земные дни Ваши на приготовление к ней. Вы видели в супруге Вашей, как хорошо приготовиться к вечности. Сие приготовление растворяет даже здешние скорби утешением и тем доказывается, что сие приготовление есть приготовление к блаженству.

*О Господе Вам преданнейший
Архим. Игнатий*

5-го февраля 1847 года

П и с ь м о 19

(Поздравление с Новым годом, пожелания, описание состояния своего здоровья)
(ГБЛ, ф. 425, картон 1)

Милостивый Государь Феодор Петрович!

Приношу Вашему Высокопревосходительству усерднейшее поздравление с наступившим Новым годом, желаю Вам препроводить его в вожденном здравии и совершенном благополучии. Благословение Божие да хранит, да осеняет Вас, все семейство Ваше. Повсюду, куда Вы ни обратите взоры Ваши, да встречает Вас одно лишь приятное, одно утешительное: потому что Вы умеете доставлять ближним и приятность и утешение. «В нюже меру мерите, да возмерится Вам!»

На благословенной родине Вашей, — где и природа, и люди встретили меня так благосклонно, оказывают столько одолжительного внимания, что невольно трогают чувствительное сердце странника, — на родине Вашей мне хорошо. Здоровье мое не спеша поправляется...

И, паки призывая на Вас благословение Божие, повторяя желание Вам всех истинных благ, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей душевной преданности и признательности имею честь быть навсегда

*Вашего Высокопревосходительства
покорнейшим слугою и богомольцем
Архимандрит Игнатий*

2-го января 1848 года